

С. 4
Камо грядеши

Десятилетие, что ни говори, подвигает к подведению итогов. Что удалось, что не удалось, в чем главные проблемы жизни «Кифы»? Размышлению над этими вопросами и воспоминанию о тех пожеланиях, которые сопровождали жизнь нашей газеты, посвящена юбилейная страничка

С. 5
Искусство быть счастливым

Участники конференции, проходившей в Милане, говорили о тех – порой куда более трудных, чем в дохристианском мире – вопросах, которые ставит современное стремительно дехристианизирующееся общество. На страницах «Кифы» – один из прозвучавших на встрече докладов.

С. 8
В поисках выхода из рукотворного рая

И красота, и культура могут не только возводить человека к Богу, но и обезоруживать его. Они создают иллюзию, что все уже «хорошо весьма», что мир уже преображен в акте человеческого творчества, а значит, не нужно идти на Крест

Подарком к десятилетию Кифы стало тверское региональное приложение – «Этимасия». О том, что значит это название, и о многом другом читайте на страницах этой новой газеты в газете.

Законченная симфония

29 сентября в Свято-Филаретовском институте состоялся круглый стол, посвященный итогам экспонирования выставки «Non licet vos esse. Не должно вам быть» в храме Христа Спасителя. Мы публикуем фрагменты дискуссии

Протоиерей Георгий Митрофанов, зав. кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии:

Будучи одним из четырех наиболее страшных эпизодов в истории гонений, кампания по изъятию церковных ценностей для меня выявляет два вопроса, очень актуальных для нашего времени.

Первый вопрос лежит на поверхности: в какой мере материальные предметы важны в церковной жизни? В 1990-е и 2000-е годы мы употребили огромное количество усилий по восстановлению храмов. Но, может быть, возникает ситуация, когда можно, освободившись от этих забот, заняться чем-то другим?

И другой вопрос, не менее важный. Ведь эта кампания породила такое явление,

как обновленчество. Вы, наверное, очень хорошо себе представляете, кто у нас сегодня активно выискивает всюду обновленцев, неоновенцев, квази-обновленцев, борется с ними... У меня часто возникает ощущение, что эти люди действуют по принципу «на воре шапка горит». Именно они и являются настоящими обновленцами, которые впервые были предложены церкви как вариант ее существования, наиболее приемлемый для богоборческой власти. Идеи Троицкого «живут и побеждают» именно в деятельности этих ревнителей фундаменталистского «возрождения» церкви. На самом же деле это возрождение понимания церкви беспредельно сервилистской, церкви, которая рассматривается отдельными ее представителями только лишь в парадигме союза с государством

на любых условиях, церкви, которая ставит во главу угла патриотическое служение... Я за патриотическое служение, но надо разобраться, где прежде всего наша родина: на небе или на земле. Ведь каждый христианин – патриот своего небесного отечества. И если земное отечество этому отечеству противостоит, как это было в годы советской власти, нужно определяться, патриот какого ты отечества прежде всего. И тут нужно сказать, что в 1922 году гонители действительно спекулировали на понятии патриотизма, государственничества и, представив церкви проект обновленчества, представили ту самую церковь, служащую миру сему, которая так часто сейчас нам предлагается как единственно возможный вариант церковной жизни в нашей стране.

окончание на с. 6–7

Патриарх Московский и всея Руси Тихон. 1918 г.

Должен ли врач быть альтруистом

Интервью с архиепископом Запорожским и Глуховским Лукой

будущего врача, тем более когда соблазны мира сего постоянно его отвлекают. На последней лекции, когда я рассказывал о свт. Луке (Войно-Ясенецком), о его самоотверженном труде, один из студентов встал и сказал: «Владыка, скажите, исходя из Ваших слов получается, что врач должен быть альтруистом?» Обществу потребления, увы, приносит свои плоды, которые проявляются во всем.

Одна из самых страшных проблем сегодняшней медицины – это её коммерциализация. Я бываю иногда на Коллегии управления здравоохранения, и мне очень больно слышать: медицинских услуг было оказано на такую-то сумму. И уже предлагают переименовать Министерство здравоохранения в Министерство по оказанию медицинских услуг. Это будет более соответствовать духу времени, но не будет соответствовать духу профессии. На первой лекции мы разбираем клятву Гиппократова и говорим о том, что врач должен исполнять те заповеди этой профессии, которые заложены ещё начиная с античных времён.

окончание на с. 3

Молодость и служение

Интервью с Кириллом Соллогубом, председателем РСХД

Кирилл, Вы возглавляете Русское Студенческое Христианское Движение, но ведь Вы не студент?

Действительно, я не студент. И отец Василий Зеньковский, и отец Александр Шмеман, будучи председателями РСХД, не были студентами, как и все основатели движения, его старшее поколение. Как вы знаете, истоки нашего движения лежат ещё в предреволюционной России и связаны с работой всемирной организации YMCA. Но официально мы считаем моментом возникновения Движения съезд в местечке Пшеров в Чехословакии в октябре 1923 года. На этом съезде было не очень много народу, меньше 50 человек. У нас есть фотографии, по ним видно, кто именно был. И во время этого съезда произошла встреча двух поколений – старшего и младшего. Поколение профессоров – это люди, которые родились, выросли и обучались в России. У них особенный духовный путь, почти все они прошли через марксизм, а затем вернулись в лоно Церкви еще до революции. Они, естественно, не были студентами в 1923 г. И второе поколение – это уже более молодые люди, которые родились в России, но не все из них смогли закончить учёбу, и вот они очутились за границей – совсем потерянные, не знающие, как и кем им быть, что делать, куда идти... Наше движение сту-

денческое, молодежное не по возрасту членов движения, а по духу, бодрости. Вопрос здесь в призвании собрать всех, кто хочет служить Церкви и свидетельствовать о Церкви, её единстве и миссии. Именно в этом молодость, а не в возрасте. Так же, например, и Синдесмос, содружество молодежных православных движений, скорее отличает молодой дух, дух служения и возрождения Церкви, а не то, что это движение только для молодых. Поэтому наше движение с самого начала было студенческим и осталось им до сих пор.

Кто сейчас входит в ваше движение?

Границы нашего движения трудно определить, они не такие ясные, как, например, у вас. Вы знаете: вот этот человек вошёл в братство, а этот – не вошёл. У нас это более гибко, прозрачно, поэтому очень трудно слишком определенно сказать, кто входит в Движение. Исторически центры Движения были расположены по всей Центральной и Западной Европе, но уже после войны вся его деятельность была сконцентрирована во Франции, и теперь можно сказать, что мы находимся во франкоязычных странах – Франции, Бельгии, Швейцарии. Центром Движения очень быстро стал Париж, и после приближения советской армии к Западной Европе всё сконцентрировалось во Франции. Нашу работу мы ведём теперь на французском языке.

окончание на с. 2

Владыка, в этом году Вы возобновили курс биоэтики в Государственном медицинском университете. Каковы, на Ваш взгляд, самые острые проблемы в этой сфере?

В этом году я читаю лекции на всех курсах, но не на всех факультетах. Курс состоит из десяти тем. Мы рассматриваем вопросы, связанные не только с биоэтикой, но и с деонтологией. Ведь сейчас в медицинском университете вообще нет такого предмета, как деонтология. А знать об общении друг с другом, об общении с пациентом очень важно для

Православие за рубежом

Молодость и служение

Начало на с. 1

А Канада?

Были попытки устроить центры Движения в Канаде и в США, когда туда уехали такие знаменательные движеницы, как отец Александр Шмеман, отец Иоанн Мейендорф, владыка Сильвестр (Харунс), отец Александр Киселев и другие члены Движения. Несколько лет в Америке существовал такой центр, но потом закрылся.

Мы предлагаем разные формы служения Церкви, и наша деятельность существует по-прежнему в разных направлениях – работа с детьми и молодежью, социальная работа, богословское образование, издательская и просветительская работа. Это самые главные направления. Они до сих пор активны. У нас старое Движение, поэтому у него уже довольно большая история. Были разные моменты – моменты подъема, развития, а были моменты спада, кризиса. В 1980–90-х гг. у нас был кризис, связанный с нашей русскостью. Поскольку наше Движение родилось в эмигрантской русской среде, встал вопрос: как нам быть с нашими корнями, за что нам прежде всего держаться – за национальную или за церковную традицию.

И кем вы стали?

Мы стали более открыты всем. А до этого в Движение входили естественно люди скорее из русской эмигрантской среды.

Было такое правило, что в Движение не может войти француз?

Нет, так, слава Богу, не было никогда. Наоборот, с самого начала Движение принимало французам, как, например, отца Льва Жилле (о его сильной проповеди на французском языке на съезде Движения в конце 1920-х годов пишет мать Мария). Но в начале, так как работа велась по-русски, всё это было очень естественно – все говорили по-русски, русская среда... А как вы знаете, все русские эмигранты думали, что очень быстро вернуться в Россию. И только во Вторую мировую войну люди поняли, что чемоданы можно открыть и вещи выложить. Тем не менее, русская среда была тогда очень многочисленна, жива, активна, а в 1970–80-е годы она стала очень узким кругом. Надо еще отметить, что с самого начала, с Пшеровского съезда, движеницы поняли, что православие – не только русское явление, а вселенское. У Движения был очень мощный духовный опыт, связанный с кафоличностью церкви.

С чьим именем связано это понимание? Есть ли человек, который это выражал наиболее ясно?

Их было несколько, но надо выделить отца Сергия Булгакова, который всегда ранее всех остальных понимал, какие вызовы встанут перед Движением. И голос отца Сергия прозвучал очень сильно в Пшерово. В 1923 году он сказал: «Мы здесь в изгнании, но мы здесь. Бог нас послал именно для того, чтобы свидетельствовать о православии на Западе. Наша эпоха стоит под знаком особенной личной ответственности и свободы. Условия совсем новые, условия свободы. Никаких связей с государством мы теперь иметь не будем.

Нам будет трудно, мы будем бедны, мы уже бедны. Но именно в этом Божья воля, и мы должны понять, что это уникальный шанс свидетельствовать о Церкви, о ее миссии и единстве».

У первой волны, как я понимаю, была сверхзадача, которую они перед собой ставили, – сохранение культуры, а соответственно, сохранение языка. Но на каком-то поколении эта задача снялась?

Да. Теперь нет больше среды, в которой можно говорить по-русски. Я говорю сейчас о потомках первой волны. Потому что, как вы знаете, с тех пор было еще несколько волн эмиграции, и они продолжают до сих пор. Но (и это тоже интересное явление) между первой волной эмиграции и последующими волнами, по сути, не произошло встречи, даже со второй волной было уже трудно. Каждая волна – это совсем другие люди, другой мир, другие цели.

А такое понятие, как «эмигрантская среда», еще сохранилось?

В Движении – нет. Пройдя через кризис, мы поняли, что наше будущее, наша доля – это быть во Франции, на Западе, свидетельствовать там о Православии и всячески служить появлению на Западе Православной местной церкви. Экклезиологически говоря, вы знаете, у нас абсолютно нелепое положение в этом смысле: в Париже десять православных епископов – три русских, два грека... Одновременно мы продолжали служить, по мере наших сил, религиозному и культурному возрождению в России (издательство ИМКА-Пресс, фонд «Помощь верующим в России», «Вестник»).

Что-то русское в РСХД осталось?

История, корни, наследие. Это очень важно. Мы добавили в 1995 году, не так уж давно, к нашему историческому названию «АСЕР» – это перевод аббревиатуры «РСХД» на французский – слово «МЮ» – «Молодежное православное движение». Именно чтобы показать, что наше Движение открыто всем православным, не только тем, кто по происхождению связан с Россией, но и французы (и их немало; и французы – это тоже мы в какой-то степени, которые во Франции родились, это наши дети), и румынам, и грекам – представителям любых юрисдикций. Мы смогли это сделать, не отвергая основное видение Движения, потому что в работе Движения с самого начала никогда не было никакого национального акцента. Кстати, многие нас в этом упрекали. Но с самого начала взгляды и цели были сверхнациональные. В 1934 году был первый раскол, через десять лет после возникновения Движения ушла целая группа, которая создала, кстати, национальную организацию «Витязи». Они упрекали Движение в недостаточном национальном настрое.

В какой храм вы ходите? Вы все православные христиане?

Да. При Движении было создано два прихода, первый еще в 1930-х годах. Митрополит Евлогий решил, что надо от-

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы – храм Движения в Париже. Фото Евгения Фоминых

крыть при доме Движения приход, потому что, как вы можете себе представить, были разные нападки на Движение, в частности, из-за того, что мы получали денежную помощь от протестантов, от УМСА. Кстати, протестанты помогали и Богословскому институту тоже. И из-за этого на нас очень многие нападали в русской эмиграции, говорили, что мы масоны и т. п. (смех). И митрополит Евлогий очень мудро решил открыть православный приход. Это не приход Движения, но приход при Движении и в Доме Движения. Этот приход был открыт всем, он был не только для членов Движения. Он до сих пор существует в нашем Доме в 15-м округе Парижа, но он остался очень русским. Там до сих пор служат на церковнославянском языке, и туда ходит то старое поколение, которое теперь уже уходит, но которое до сих пор хотело сохранить именно русскость. И в 1980-х гг. на собрании совета Движения было решено открыть другой храм – франкоязычный, где служат по-французски, чтобы привлечь молодежь, которая уходила из-за того, что больше ничего не понимала. Этот храм тоже существует до сих пор, некоторые из вас были у нас на вечерне. Он расположен в пригороде, он небольшой и по духу очень движенический. Там нет иконостаса, нет хора – весь храм поет. Туда ходит очень много молодых людей, многодетных семей.

Как изменилась жизнь Движения после того, как РПЦЗ присоединилась к РПЦ?

Это произошло для нас совсем незаметно. Исторически, хотя наше Движение официально не привязано ни к какой юрисдикции, оно имеет очень тесные отношения с епархией, которая находилась под управлением митрополита Евлогия, а теперь епископа Гавриила, и которая зависит от Константинопольской церкви (Архиепископия в Париже). У нас в Движении мало членов из Зарубежной церкви и из Московской патриархии.

Вы межюрисдикционные? А кто же ваш канонический глава?

Да, мы в нашей работе абсолютно межюрисдикционные. Это важно, потому что Движение существовало в странах, которые имеют свои собственные церковные управления (Финляндия, Эстония, Болгария...). Вопрос отношений со священноначалием был всегда очень острым, с самого начала, как и идея не зависеть от епископа. Как я уже сказал, у нас при Движении есть приход, настоятель

которого, естественно, зависит от епископа. Когда Движение захотело иметь своего священника, «духовного руководителя», то, естественно, оно обратилось к митрополиту Евлогию.

Но ведь члены Движения тоже канонически являются членами какой-то церкви?

Да, это определяется в приходах, в которые они ходят. А это не только Архиепископия (Экзархат вселенского патриархата). Например, исторически с самого начала всегда была группа из прихода от Московской патриархии. Этот приход находится в центре Парижа, там очень много движеницев. Отец Василий Зеньковский всегда настаивал на том, чтобы мы не зависели от одной только юрисдикции, чтобы наша работа могла бы служить всем. Я лично являюсь членом Архиепископии и регулярно встречаюсь с епископом Гавриилом, которого тоже можно каким-то образом считать членом Движения. Он регулярно приходит на наши собрания (даже платит членские взносы), как и митрополит Евлогий в свое время. Я очень часто даю отчеты ему о нашей работе.

А он как член Движения тоже дает Вам отчеты?

Как член Движения – может быть, но, конечно, не как архиепископ (улыбается), хотя в Церкви мы все ответственны друг за друга.

Какова примерная численность Движения?

Очень трудно сказать. Самые основные моменты жизни нашего Движения – ежегодный съезд, на который съезжается семьдесят-восемьдесят человек, и лагерь, который мы организуем ежегодно в июле для детей от 7 до 17 лет. Каждое лето в нем собирается около двухсот детей, но это не только дети членов Движения. Лагеря открыты в принципе всем православным, хотя мы много говорим о Движении в этих лагерях. Многие после них приходят к нам и говорят: мне понравилось, теперь я тоже буду помогать в Движении. У нас нет официального приема, вхождения в Движение. В этом мы отличаемся от вас. Членские взносы платят примерно 200 человек. Думаю, около 600–700 человек более или менее связаны с Движением во Франции и во франкоязычных странах. Это немного, но Движение никогда не было многочисленным и, вероятно, не станет.

Вопросы задавали члены Сято-Петровского братства

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-0671 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, (Анна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Смоленский пер., д. 1а Тула: +7-920-746-6973 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1300. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 17 октября 2012 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 22 октября 2012 г.

Жизнь епархий

Должен ли врач быть альтруистом

Начало на с. 1

Интервью с архиепископом Запорожским и Глуховским Лукой

Поэтому проблем, которых мы касаемся на наших встречах со студентами, очень много. Естественно, это и традиционные проблемы – аборт, отношение к эвтаназии, трансплантации, использованию новых технологий. Этому мы уделяем внимание.

А какие темы вызывают больше всего вопросов?

Больше всего споров вызывают, прежде всего, проблемы, связанные с абортами. Всё остальное студентам более или менее понятно.

Среди студентов есть и верующие, и неверующие?

Этот курс является обязательным для всех студентов. И лекции, и практические занятия по биоэтике включены в программу университета. Так что на них ходят не только православные. В своих лекциях я стараюсь разносторонне подходить к затронутым темам, обязательно касаюсь точки зрения других христианских конфессий, а также отношения ислама, иудаизма и даже буддизма к этим вопросам.

Есть и иностранные студенты на лекциях. В прошлом году один студент написал заявление о том, что я якобы ущемляю его религиозные чувства, потому что прихожу на лекции в рясе и с панагией. Ему объяснили, что я преподаватель, и как медики ходят в белом халате, так я хожу в рясе: это моя форма одежды.

Вы рассказываете на лекциях о свт. Луке и о его подвиге. Наверное, Вы рассказываете и о репрессиях, которым он подвергался?

В программе первого курса по истории медицины нас попросили прочитать отдельную лекцию, посвященную свт. Луке. Естественно, я рассказываю и о репрессиях. Первая часть лекции посвящена автобиографии свт. Луки, вторая часть – трудам, которые он оставил. В «Очерках о гнойной хирургии» я касаюсь только основных положений, о «Науке и религии» говорю тоже вскользь, а основная часть лекции, наверное, процентов сорок, посвящена труду «Дух, душа, тело».

В вашей епархии скоро предстоит канонизация новомучеников и исповедников. Какое это значение имеет для её жизни?

Я в последнее время не раз задумывался: что же это такое – канонизация, почитание святых? Господь так сподобил, что это будет уже пятая канонизация на моей памяти. Две были в Глинской пустыни, потом в Путивле, в Софрониевской пустыни. Мы в основном канонизировали преподобных отцов, лишь один из четверых был мучеником – князь Иоанн Путивльский, XII век. Но всё это было не столько канонизацией, сколько возобновлением памяти. А сегодняшняя канонизация, которая будет проходить у нас в Запорожье, показывает, что в памяти о новомучениках

и исповедниках осуществляется полнота нашей церкви. Это связь прошлого, настоящего и будущего. Ведь не зря Тертуллиан говорил, что кровь мучеников сеет веру христианскую. Ведь это ещё и утверждение в вере, призывающее наш народ задуматься о том, как мы часто пренебрежительно относимся к церкви. Считаю, будто так и надо: сходил в церковь, побыл на службе...

Я вчера читал лекцию о свт. Луке. Стоит просто задуматься: человек, который был трижды загнан за Полярный круг, над которым издевались, как хотели, устроили тринадцать дней конвейера, когда нет ни сна, ни еды, ничего – и он объявляет ещё и голодовку на 18 суток и держит эту голодовку! Что им двигало? Наверное, им двигала вера и любовь. А мы ропщем: вот, у нас проблема, экономический кризис – всё, конец света. А ведь это настолько мелкие проблемы, не стоящие даже нашего внимания.

Новомученики ещё и ещё раз нам показывают, как нужно любить свою Родину и, самое главное, как нужно любить Бога. Я этому поражаюсь, и вчера на лекции даже отвлёкся и сказал: «А давайте порассуждаем, задумаемся: что должен сделать человек, которого так гнобили, уничтожали?» Он пишет письмо Сталину и Калинин: прошу вернуть меня на фронт, прошу разрешить мне работать врачом на фронте, а затем я готов вернуться в тюрьму. Это как надо любить свою Родину, свой народ!

Или наши новомученики – да, у нас скудные сведения о них, но мы чётко и

твёрдо знаем, что они проповедовали, и в том числе говорили о том, что советская власть поступает неправильно. Они не выступали явно, не говорили «Долой советскую власть», но несли слово истины людям. Крестили, ходили по домам, совершали таинства, чтобы не лишиться людей благодати Божьей. Этому поражаешься! У меня не хватает слов, чтобы выразить это настолько красиво, насколько необходимо, потому что это трепет, трепет и ещё раз трепет – задуматься над их жизнью.

Беседовала Дарья Макеева

Церковь и общество

Политические игры на церковном поле

Одним из знаковых событий церковной жизни последнего времени, безусловно, стала проходящая в храме Христа Спасителя выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть»¹. Неслучайно на это воспоминание событий 90-летней давности – изъятия церковных ценностей, задуманного как кампания советской власти по дискредитации церкви и подготовке обновленческого раскола – откликнулись почти все православные ресурсы, в том числе и те, которые никогда прежде не писали об инициативах Преображенского братства и его духовного попечителя священника Георгия Кочеткова в положительном ключе. Еще более удивительным стало то, что в событийном поле тоже прозвучала некая «реплика», косвенно связанная с содержанием выставки. Речь идет о конференции «Реформация: судьба Русской церкви в XXI веке», прошедшей неделю назад в Москве.

Эта конференция была собрана как будто нарочно для того, чтобы показать, каким образом и сегодня внешние, чуждые церкви силы могут пытаться спровоцировать и внутрицерковный раскол, и всё большее противостояние между церковью и обществом. Рецепт остался на удивление не изменившимся за прошедшие 90 лет. Если посмотреть в итоговый документ конференции, мы увидим в нем перечень многих реальных церковных проблем, острых, требующих решения (иногда и тех, которые сдвигаются за последнее время с «мертвой точки») вперемешку с чисто политическими или, более того, секуляристскими и провокационными требованиями. Все это вместе шумно запущено в информационное пространство и получило множество откликов, в том числе на таких влиятельных ресурсах, как «Православие и мир», «Эхо Москвы» и т.п. Отклики эти показывают, что провокация уже вовсю начала

работать: требования, перечисленные в документе «реформаторов», авторы откликов начинают отождествлять как с «реформацией Русской церкви» (чего стоит сам термин!), так и с устроителями мероприятия, часто являющимися либо политтехнологами, либо представляющими те или иные раскольнические группировки.

Приходится признать, что собственная история нас, увы, пока ничему не учит. Казалось бы, всем известно, что более ста лет назад Русская церковь встала перед необходимостью многостороннего обновления своей внутренней и внешней жизни. Об этом говорили и архиереи (чтобы убедить в этом, достаточно почитать их «Отзывы» 1906 года), и священники (как тут не вспомнить «письмо 32-х»), и образованные ответственные миряне. Многие из тогдашних ревнителей церковного обновления впоследствии стали святыми исповедниками и новомучениками². Стоит ли говорить, почему многие из осмысленных церковных проблем начала XX века до сих пор остались нерешенными. Хотя бы потому, что именно теми проблемами, о которых говорили в то время лучшие представители Церкви, быстро воспользовалась антихристианская советская власть для внедрения обновленческого раскола. Церковь оказалась не только обескровлена последовавшим затем разделением, но ещё она была лишена столь необходимого ей органичного духовного роста и связанного с ним внешнего исправления.

И вот сейчас на наших глазах начинается некое дежавю: люди, чуждые церкви (несколько церковных участников «реформаторской» конференции, видимо, привлеченные фразеологией и не очень хорошо разобравшиеся в том, что стоит за ней, здесь не в счет), собираются и начинают шумно обсуждать наши вполне реальные и действительно уже не

первый год требующие решения церковные проблемы, перемешав их с трендами чисто политическими. При этом (что при данном составе участников обсуждения кажется вполне естественным и опять же напоминает что-то из прошлого) не вспоминают ни Собор 1917 года, ни последующие попытки Церкви решить эти проблемы, и очень узнаваемо нападают на председателя церкви, стремясь для начала отделить его от церковного народа. Православные же публицисты в ответ пишут статьи в памятьном с советских времен жанре «сам дурак» и ни словом не упоминают о том, что перечисленные на конференции проблемы в действительности имеют место, и они требуют решения. И в результате только еще дальше уводят ситуацию от единственного верного выхода – спокойной, конструктивной, действительно церковной дискуссии, где люди могли бы ответственно высказываться по мере своей компетентности, действительно ища волю Божью, опираясь на реалии нашей жизни, учитывая то, что церковь наша ещё не восстановила себя в полной мере, понимая, что сопротивляемость церкви против всякого рода искушений также ещё не восстановлена. И, конечно, понимая, что внутри церкви существует много разных течений, разных направлений, которые всегда будут существовать и которые не всегда будут друг с другом согласны во всём и которым ещё надо учиться находить общий язык. Всем ещё надо искать то, что для церкви полезно, и при этом думать о средствах воплощения этих вещей в церковной жизни, потому что важно не только то, что делать, но и как это делать. Ведь только то, что благословит Господь, может войти в церковную жизнь, ничего не повреждая, ничего не ухудшая. Нам же для того, чтобы этому послужить, необходимы трезвость, выдержка, подлинная мудрость и церковность, необходимы доброжела-

тельность и полное понимание того, что никаких расколов в церкви устраивать невозможно, недопустимо, необходимы терпение, смирение и послушание Богу, а также уважение свободы другого человека. Без всего этого ничего доброго в церковную жизнь никому никогда принести не удастся.

В последние два десятилетия нас неоднократно пугали обновленчеством и неоновобновленчеством, безосновательно обвиняя в этом людей, которые не имели и не имеют к этим явлениям никакого отношения. И вот после долгих криков «волок! волк!» уже никем не воспринимаемый серьезно «волок» неоновобновленчества действительно возникает на горизонте. Но опасность ещё не означает обязательного дальнейшего развития этой тенденции. Если мудро вести себя по отношению к ней, то её можно будет не только преодолеть, но, более того, обратить для церкви во благо. Но для этого необходим конструктивный, живой, духовный, настоящий христианский разговор, диалог и в самой церкви, и между церковью и обществом, ибо без него выйти из этого положения без потерь уже практически невозможно.

Александра Колымагина

¹ В настоящее время выставка проходит в Историко-мемориальном музее «Пресня», филиале Государственного центрального музея современной истории России по адресу: Большая Предтеченский пер., д. 4. Проезд: ст. метро Краснопресненская. Заказ экскурсий с 10.00 до 17.00 по тел. 8-499-252-30-35, 8-968-764-52-12. Выставка продлится до 20 ноября 2012 г.

² Так, например, четверо священников из группы «32-х» уже прославлены Русской православной церковью в чине новомучеников. Нелишним будет сказать, что многие из ревнителей церковного обновления боролись с обновленчеством или, иногда даже прельстившись сначала его фальшивыми лозунгами, быстро с покаянием возвращались в патриаршую церковь.

Любите вашу газету

Что говорили о «Кифе» и желали ей и нашим читателям в разные годы...

2003 год, интервью митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне патриарха Московского и всея Руси) газете «Кифа»:

Самое главное – чем больше мы говорим друг с другом, тем лучше преодолеваем проблемы, которые стоят перед нами. Разрушаются мифы, подозрительность... Но для того, чтобы двигаться вперед, нам нужно осмысленные тех проблем, которые стоят перед нами. И не только на уровне Синода или Архиерейского собора. Важно, чтобы весь народ Божий принимал участие в подготовке этих решений.

2005 год, интервью митрополита Минского и Слуцкого Филарета:

Читатели газеты «Кифа», любите свою газету. Внимательно следите за ее содержанием и старайтесь в своей жизни проводить те идеи, которые через эту газету достигают всех нас и в частности вас, уважаемые читатели. У нас к этим публикациям, к изданиям, газетам бывает не совсем добросовестное отношение. Мы стараемся читать то, что напечатано крупным шрифтом. Мы прочитали все заголовки и говорим, что газета прочитана, все хорошо. Если эта газета ваша, если она имеет свой круг чтения, то я думаю, что надо и редакции чаще обращать внимание и призывать читателей обратить на то-то или то-то внимание, на ту или иную статью. Бог в помощь и издателям, и читателям.

2009 год, интервью священника Георгия Кочеткова, духовного попечителя Преображенского содружества малых православных братств:

То, что «Кифу» могут читать как архиереи, так и простой народ, имеет принципиальное значение. Большое внимание уделяется диалогу с архиереями, и это тоже способствует церковному общению, ведь члены епископата обычно не имеют возможности общаться друг с другом постоянно и интенсивно по тем глубоким темам, какие затрагивает газета. Я думаю, если внимательно ее читать, легко увидеть, как много в церкви людей, способных воспринимать и, что ещё важнее, воспроизводить подлинный церковный опыт, идти вперед и в богословии, и в общении.

2009 год, интервью протоиерея Димитрия Карпенко, зав. сектором Синодального миссионерского отдела, заместителя редактора молодежно-публицистического журнала «Новый Ковчег»:

Хочется прежде всего пожелать газете «Кифа», чтобы она сохраняла тот стиль и облик, который за годы издания успел сформироваться. Пожелать хотелось бы самого главного, чего не хватает церковным периодическим изданиям, – очень хочется, чтобы читательская аудитория газеты «Кифа» расширилась и все большее количество людей вовлекалось бы в обсуждение насущных церковных проблем. Думаю, что для этого нужно продолжать ту редакторскую политику, которую уже выбрал коллектив газеты, т. е. давать возможность высказаться носителям различных точек зрения для выявления тех путей, которые сегодня могут быть

предложены в качестве приоритетных в развитии нашей церковной жизни.

2009 год, интервью поэта Ольги Седаковой:

Я люблю в «Кифе» присутствие исторических материалов, ведь XX век в его судьбах и мыслях только открывается, присутствие людей самых разных позиций, отклики на то, что происходит в христианском мире за пределами православия, отклики на события современной культуры, отечественной и мировой, гражданскую ответственность. Все это я желаю продолжать в номерах второй и третьей сотни словами Пастернака: «... то же, но еще шибче и горячее».

2010 год, интервью народного артиста России Сергея Юрского:

Газета «Кифа» – хорошая очень газета, но можно бы какого-нибудь такого крупного миллионера привлечь в общину, да получить с него деньги, да не на что-нибудь, не на строительство, а на то, чтобы газета «Кифа» продавалась в аэропортах или раздавалась в самолетах.

2012 год, интервью протоиерея Георгия Митрофанова:

Пожелать газете можно только чтобы она перевоплощалась во что-то более электронно-медийное. Потому что газеты сейчас читают все меньше и меньше. Да, у вас есть стабильный, постоянный круг читателей, так же, как, например, у «Града Петрова» есть узкий стабильный круг слушателей. Дальше – тишина, и у них в эфире, и, я думаю, в отделе реализации вашей газеты. Тут нужен какой-то новый опыт.

И еще мне кажется, что хотя о. Георгий Кочетков для вас значим и дорог, и всем понятно, что вы хотите разрушить те стереотипы, которые ваши оппоненты постоянно муссируют, но пусть в газете будет меньше о. Георгия и больше вас. Потому что он уже сам по себе достаточно вошел в историю нашей церковной жизни, и давно уже пора перейти к принципу: по плодам познавать того, о ком вы пишете. Пускай же плоды его деятельности все больше являют себя в этой газете.

2012 год, интервью епископа Запорожского и Глуховского Луки:

В жизни человек спасается не только чтением. Но чтение необходимо. Кажется, Симеон Новый Богослов сказал о том, что созерцание духовных книг уже вмещается в добродетель. И мне бы хотелось, чтобы созерцая, то есть читая вашу газету, читатели старались воплощать в жизнь то, что они читают. Это очень важно. Сейчас много говорится, но хотелось бы, чтобы ещё и делалось то, что говорится. Поэтому газета необходима. Не каждый может прочитать серьёзный труд, а газета – это некая квинтэссенция или встреча с интересными людьми, более обновляемая, легче читаемая, чем серьёзный труд. Пусть же ваш читатель старается то, что написано на страницах газеты, привносить в свою жизнь. Это моё самое главное пожелание.

Камо грядеши

Конечно, десять лет – возраст пока еще совсем маленький. Детский, даже не отроческий, если переводить его в изменение человеческой жизни. Но там все-таки «дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет», из православных же изданий даже разрешенный скрепя сердце советской властью (только для священников!) «Журнал Московской патриархии» не дотягивает до этого срока. Так что если даже и существуют в нынешней, разрешенной жизни долгожители – а я не знаю таких, кроме разве что «Церковного вестника» – не только открывшиеся после того, как в 1989 году стало «всё можно», но и дожившие до нашего времени, то даже на их фоне «Кифа», справляющая ныне десятилетие, выглядит как издание весьма средних лет. А это, что ни говори, подвигает к подведению итогов. Что удалось, что не удалось, в чем главные проблемы жизни «Кифы»?

Мне кажется, что самое главное нам все-таки удалось. «Кифа» возникла из необходимости дать голос Преображенскому братству, которое (что уж теперь скрывать) в течение многих лет упорно вытеснялось практически из всех православных СМИ. И, конечно, прежде всего нам очень хотелось, чтобы люди услышали, что же на самом деле говорит наш духовный попечитель, священник Георгий Кочетков, которому «доброжелатели» приписывали такие взгляды и речи, что оставалось только смеяться или плакать. И наш голос – общий голос – и правда зазвучал, и за эти десять лет постепенно вышел за границы «Кифы». И членов братства, и о. Георгия стали публиковать понемногу такие ресурсы, как «Богослов» и «Правмир».

Но – и это уже из разряда явных неудач – оказалось, что слышат этот голос далеко не все, кто хотел бы. Казалось бы, куда ни придёшь, «Кифу» знают все. Но круг её постоянных читателей остается очень узким, и об этом можно жалеть, а нам, её создателям, нужно в этом каяться, потому что богатство, так нужное сегодня в церкви, мы отчасти держим под спудом. И богатство это, конечно, не наши немощные информационные усилия, но та полнота общинной и братской церковной жизни, которая только и делает «Кифу» живой, радостной и переполненной светом. Ведь любое издание отражает ту жизнь, которая стоит за ним. И если жизнь эта серая и безрадостная, никакие усилия самых лучших пиарщиков не помогут преобразить её, разве что размалевать. Если же жизнь эта полна благодати, то и немощные непрофессионалы хоть отчасти, да донесут её. И они могут быть даже, скажем, рыбаками (или инженерами-математиками, что более соответствует нынешнему контексту)...

Что ж, будем надеяться, что еще остается время, чтобы это исправить. Да, этого времени очень часто оказывается гораздо меньше, чем думаем мы; и неслучайно современная секулярная культура так любит миф о вновь и вновь возвращающихся возможностях и так не хочет читать притчу о неразумных девах. Но надежда есть, и эта надежда (а не прекраснотушная иллюзия) одна только и может дать опору каждому из нас, пускающему таланты в рост, продающему поле, чтобы купить жемчужину, и стремящемуся жить и говорить «в мире сем, но не от мира сего».

Александра Колымагина

Юбилейный подарок

К пятнадцатилетию печально известных событий в продаже появился диск с фильмом «Разоблачение: pro et contra»

Разоблачение:
**PRO et
CONTRA**

Что на самом деле произошло 29 июня
1997 года в храме Успения в Печатниках

Искусство быть счастливым

Итальянский православный приход святителя Амвросия Медиоланского (Милан) уже пятый год выступает организатором международной конференции «Амвросиевские чтения». В этом году ее тема – «Христианское свидетельство в современном секулярном мире». В течение трех дней работы конференции (9–11 сентября) прозвучало более 20 выступлений на самые разнообразные темы (Свято-Филаретовский институт на конференции представил проф. А.М. Копировский с докладом об этюдах к «Реквиему» («Уходящей Руси») художника Павла Корина). Все размышления объединял вопрос – как свидетельствовать о Воскресении Христа в секулярном мире? Поверхностное знакомство с христианской символикой и культурой, часто ничего не открывая людям о сути христианства, создает ложное ощущение его понимания. Современное общество стремительно дехристианизируется и ставит порой куда более трудные вопросы, чем мир дохристианский. Участники конференции вспомнили слова протопреститера Александра Шмемана о том, что секуляризация есть не столько отрицание Бога, сколько «отрицание человека как существа поклоняющегося – *homo adigans*, того, для кого поклонение – это основной акт, который определяет его человеческую природу и осуществляет ее». Поэтому в работе «Богослужение в секулярный век» Шмеман писал о необходимости перенести акцент с отношений человека с Богом на отношения человека с миром, жизнью, которые должны быть преображены и приведены к Богу. Мы публикуем в незначительном сокращении один из прозвучавших на конференции докладов.

Смысл бытия для человека во все времена составлял едва ли не самую значимую жизненную ценность. Осознание самого себя неизбежно направляет личность на поиск природосоответствующих внутренней «Я-концепции» смыслов. Переживания осмысленности собственной жизни определяет вектор становления личности и способы её самовыражения. «Смысл жизни» – не только личностная проблема, но и научная, которая рассматривается многими гуманитарными дисциплинами в структуре общего «человекознания»: этикой, культурологией, психологией, философской антропологией, религиоведением. В связи с этим наука предлагает значительное число вариантов: гедонистический смысл жизни (стремление к удовольствиям, наслаждениям), конформистский (приспособленчество), альтруистический (бескорыстная забота о благе других), социально-творческий, социально-демографический, лидерский, игровой, религиозный. В современном мире актуальными становятся также эгоистичный, прагматический, престижный смыслы жизни... Выбор всегда за нами.

Максимально ёмкое объяснение психологического феномена «смысл жизни» принадлежит Ф.М. Достоевскому: «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы вдалеке от суеты и проблем или воплотиться в детях, воспитав их достойными людьми, иметь отменное здоровье или добиться славы, признания, успеха... Шесть миллиардов людей живет на планете, и у шести миллиардов сердец свое понимание любви и счастья. Но во всех возможных интерпретациях есть одна общая стержневая идея: жизнь удалась, считают многие, когда я смог добиться успеха, достичь желанного. А для этого, как всегда, нужны деньги, и денег всегда мало. И человек остается неудовлетворенным и несчастным, потому что упорно добивается не того, к чему призван стремиться».

Потребность свободного саморазвития и сохранения собственной индивидуальности, гармонизация отношений с миром и с самим собой, постижение духовных ценностей и владение социальными значимыми материальными продуктами являются, пожалуй, универсальными потребностями каждой личности. При этом самая длинная дорога в жизни – дорога к себе. По ней человек идет, преодолевая стереотипы, вызовы современности, процессы социального и государственного принуждения, утверждает своё понимание смысла жизни, то есть – творит себя.

В процессе самоорганизации человек приобретает и переживает много новых свойств и состояний. Переломные моменты в жизни, или так называемые «точки бифуркации», не дают точного ответа, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие личности. Часто человек колеблется в выборе того или иного пути: эволюционного, хаотичного или более организованного; упрощенного, замедленного или скачкообразного и прогрессивного. Любой этап жизненного перелома обнажает скрытые резервы и возможности человека, его потенциальные внутренние ресурсы. Пиковые переживания личности всегда являются продуктивными и позитивными, поскольку

Уже несколько десятилетий мы живем в цивилизации, ставящей превыше всего славу, деньги, власть, сумевшей убедить очень и очень многих, что именно это и есть истинные ценности, к обладанию которыми надо стремиться.

дают возможность человеку преодолеть границы собственного «Я», приближают его к раскрытию и пониманию своей истинной сущности. Переломные, кризисные этапы жизни сигнализируют о наступлении периода дальнейшего самосовершенствования, предоставляют шанс для настоящей, глубокой самореализации.

Сегодня социализация личности происходит в условиях поликультурного и мегаинформационного пространства, что обуславливает множество взаимосвязей, вариантов развития, их разнородность. Но тем не менее каждое время на свой лад задает один и тот же вопрос: что нужно человеку для счастья?..

Жениться на девушке своей мечты или получить огромное наследство, уединиться в загородном доме с бассейном вдалеке от суеты и проблем или воплотиться в детях, воспитав их достойными людьми, иметь отменное здоровье или добиться славы, признания, успеха... Шесть миллиардов людей живет на планете, и у шести миллиардов сердец свое понимание любви и счастья. Но во всех возможных интерпретациях есть одна общая стержневая идея: жизнь удалась, считают многие, когда я смог добиться успеха, достичь желанного. А для этого, как всегда, нужны деньги, и денег всегда мало. И человек остается неудовлетворенным и несчастным, потому что упорно добивается не того, к чему призван стремиться».

Неудовлетворенность жизнью – это, наверное, вечная тема, которая пронизывает едва ли не все социальные, политические, экономические взаимоотношения человечества. Даже просто поболтать друг с другом интереснее всего бывает о том, что зарплата маленькая, что налоги «достали», а правительство вообще жить не даёт. И в целом всё кругом не так, как должно быть. Но человеку всегда мало не оттого, что он не умеет рационально использовать денежные средства. Просто сам человек по своей сути – иррационален, нематериален. Его состояние неудовлетворенности – от предчувствия иного источника смысла жизни... Царство Божие внутри нас есть, написано в Евангелии от Луки (Лк 17:21). Не может человек легко достичь на земле того, к чему призван Творцом. Потому, наверное, ни деньги, ни успех, ни карьера не могут успокоить мятежную человеческую природы...

Сотворение Адама. Фреска Микеланджело

«И сказал ученикам Своим: посему говорю вам, – не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи и тело – одежды... Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть?» (Лк 12:22-25). Господь этими словами не призывает отречься от мирских повседневных забот, Он просит человека не потерять себя в повседневности. «Не заботьтесь» в более точном переводе с греческого звучит как «не терзайтесь», то есть не страдайте понапрасну.

Естественное стремление человека улучшить своё материальное положение в мире Господь не осуждает, Он предлагает правильно ставить акценты. Успех, деньги, положение в обществе – всё это сопутствующие явления, как выхлопной дым из трубы работающего автомобиля. Но не для дыма работает двигатель, а чтобы возить людей или грузы. И не для успеха, не для того, чтобы обязательно быть лучшим, стоит человеку трудиться, а для того, чтобы найти себя и стать счастливым в своём призвании. И все, что «приложится вам», не должно становиться самоцелью, довлеть над волей человека, всё это есть лишь средство достижения изначального глубинного смысла. Насколько человек реализует свой жизненный потенциал, свои внутренние ресурсы – настолько и сможет чувствовать себя счастливым. Говоря словами Антуана де Сент-Экзюпери, «человек есть то, на что он себя потратил».

Известный христианский мыслитель IV в. пресвитер Руфин писал: «Не может множество конечных целей удовлетворить бесконечные стремления духа». Человек, как утверждал блаженный Августин, имеет иное предназначение: «Ты, Господи, сотворил нас со стремлением к Тебе, и не может успокоиться душа, пока не достигнет Тебя». И если нечто другое, кроме веры, попадает в хрупкие сосуды духовного организма человека, то он портится, как автомобиль, в который залили некачественный, разбавленный бензин. Человек представляет собой много больше, чем он сам о себе думает.

И неминуемо возникает вопрос: а готовы ли мы платить за свои мечты полной мерой? И в какой степени наши мечты нам навязаны? Уже несколько десятилетий мы живем в цивилизации, ставящей превыше всего славу, деньги, власть, сумевшей убедить очень и очень многих, что именно это и есть истинные ценности, к обладанию которыми надо стремиться. Но людей удовлетворить невозможно. Те, у кого мало, хотят, чтобы стало много, а у кого много, хотят еще больше. Получив еще больше, они еще острее желают быть счастливыми, и это напоминает бесконечный бег по кругу. Человек, хочет он того или нет, – живёт не просто для жизни, а всегда для чего-то...

Сегодня универсальным ключом к получению первичных удовольствий являются деньги, а идеология успеха обозначает не что иное, как зарабатывание денег и стремление к выгоде. Культ коммерческого успеха сфокусирован на получении прибыли с наименьшими для этого затратами. Мы – общество потребителей. Стремление привить нашим детям культ успешности вместо идеалов познания и гармоничного, толерантного развития, любви к родине и своей культуре, пренебрежительное отношение к христианским ценностям – деструктивная, позорная страница нынешнего времени. На самом деле, «идеология успеха» – это идеология «проедания» в мировом масштабе, идеология выхолащивания жизненных ориентиров. Это культурный

вирус, который замахнулся на честь и достоинство личности.

Поэтому сегодня нам особенно необходимо те, кто не продаётся, кого не искушает обманчивое шуршание денег. Люди, живущие не по «типовому» проекту, а по индивидуальному, которые не боятся проблем и трудностей, кому интересно жить. Осознав свои истинные желания, они способны решиться на кардинальные изменения в жизни как личной, так и профессиональной. Такие люди находятся в постоянном развитии, что априори требует значительных волевых усилий. Им не столь важно, что думают о них другие и как соотносится их самооощущение с общественными стереотипами успешности и престижа, – они способны создавать свой собственный мир и мир вокруг себя.

Быть автором своей жизни означает не только следовать личному проекту, а, прежде всего, брать на себя ответственность за свои действия и их последствия, не сожалеть о том, что сделано, и относиться к неудачам как к источнику собственного опыта. Известна мудрость: чтобы избежать ошибок, следует набираться опыта; чтобы иметь опыт, нужно совершать ошибки. И, как ни странно, у людей дела степенно удовлетворенности жизнью значительно выше.

Искусство быть счастливым включает в себя еще один редкий дар: способность жить «здесь и сейчас», в настоящем моменте, не жалея о прошлом и не чувствуя постоянной тревоги о будущем. В конце концов, счастье – это горе, которое нас не коснулось. И ещё – смелость быть собой, жить собственной жизнью, а не навязанными социальными стереотипами, идеологическими установками, мнением окружающих.

Киевский социолог, психолог, доктор философских наук Е. Головаха уточняет, что с социальной точки зрения успех нельзя рассматривать как достижение высокой позиции в общественной иерархии. Если бы это было так, то погоня за должностями привела бы к тотальному уничтожению всех и каждого. Общество – достаточно гибкий по своей природе конструкт, который даёт человеку много других возможностей уважать себя. И первая из них – свобода, базовая ипостась которой – личный выбор и ответственность за него. И далее точно по Н. Бердяеву: свобода «от», свобода «для», свобода «во имя»... При условии, что конечная цель жизни – не суета, а гармония с миром и с самим собой.

А без чего успех по-настоящему невозможен? Без максимально задействованных внутренних психологических ресурсов личности: силы воли, устойчивости к стрессам, целеустремленности, способности человека, его нравственности – то есть совокупности качеств, необходимых для достижения желаемого.

И последнее: «Всегда выбирайте самый трудный путь – на нём вы не встретите конкурентов» (Шарль де Голль).

Ирина Вернудина (Киев),
доктор философских наук, психолог
Доклад «Потенциал веры и социальные
стереотипы успешности»

Законченная симфония

Начало на с. 1

Эти два вопроса – о материальных ценностях, об их месте в церкви и о том, кому же должна служить церковь прежде всего, какому отечеству, были главными результатами этой кампании, результатами, которые оказались во многом разрушительными для нашей церковной жизни. Конечно, церковь разрушить очень сложно, даже тогда это не удалось, сейчас не удастся тем более. Но, во всяком случае, эти два искусовых вопроса, которые были сформулированы во время кампании по «изъятию церковных ценностей» и поставлены перед нами, не побоюсь этого слова, самим дьяволом в лице своих верных, но часто не очень просвещенных учеников, это великие искушения и для нашего времени.

Давид Гэгзян, член Межсоборного присутствия, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики Свято-Филаретовского института:

Non licet vos esse – это ведь не просто девиз власти, которая не хочет существования сомнительной или недопустимой с ее точки зрения организации или какого-то непонятного сообщества. Это вообще образ отношения к тому, что никак не вписывается в ее компетенцию. В этом смысле дух христианства всегда должен быть подозрительным духом мира сего. И поскольку истории свойственно повторяться – иногда самым неожиданным образом, – то за прошедший век мы оказываемся свидетелями того, как сначала одна структура пытается разрушить другую, потом неожиданно пытается ее приватизировать, потом возникают какие-то новые сюжеты взаимодействия этих структур. Но за этими сюжетами мы не очень успеваем посмотреть на то, что, собственно, церковь делает Христовой Церковью. А ведь именно этим и подтверждается жизнеспособность церкви. Государство может ненавидеть церковь как организованное сообщество, может вдруг неожиданно возлюбить ее в этом же качестве, потому что, оказываясь, ее выгодно поставить на службу своим интересам, может отнестись к ней нейтрально, наконец. Нам же прежде всего важно, как само церковное сообщество себя позиционирует в условиях, в которых ему приходится жить.

Довольно редко звучит вопрос, что нужно было делать в тех условиях, когда не надо было быть большим прозорливцем, чтобы понимать, что объявлена война на уничтожение. Надо ли только сопротивляться до последнего, сохраняя своё призвание, невзирая ни на что? (В этом, судя по всему, состояла позиция патриарха Тихона, и она заслуживает всяческого уважения, хотя и она наверняка не была свободна от изъянов). Но ведь были и какие-то другие шаги, были попытки созидательного поведения в этих условиях, когда неожиданно в церкви вдруг начинают появляться ростки таких форм существования, которые раньше, до революции, если и встречались, то не в таком виде – например, братства. И это говорит о том, что в критической ситуации обостряется извечный для христианства вопрос: что, собственно, делает нас соответствующими своему небесному призванию? Что нас делает, если повторить слова отца Георгия, патриархами своего небесного отечества? Как это проявляется в нашей жизни? Это был один из тех рубежей, когда такой вопрос возник не только в плоскости сугубо личной ответственности, сугубо индивидуального существования, но решался на уровне поиска церковных форм бытия, которые могли быть осуществлены именно как живая альтернатива духу мира сего. Мне кажется, этот аспект принципиально важно всегда затрагивать. В этом смысле дух обновленчества – это как раз сдача

Участники круглого стола. Справа налево: прот. Георгий Митрофанов, священник Георгий Кочетков, Д.С. Гасак, А.Г. Кравецкий.

того, что в церкви есть Христово начало. Этот дух стремится жить, чтобы существовать, без всякой апелляции к внутреннему началу. Мне кажется, в этом отношении обращение к событиям 1922 года для нас оказывается вызовом, потому что в нынешних условиях очень часто говорится о чем угодно, но вот об этом самом главном говорить, причем внутри церковной ограды, часто бывает как бы неприлично. И для меня большой вопрос – как дать зазвучать тому Христову началу, которое церковь созидает, собирает, и которое, собственно, только и сообщает церкви ее подлинную жизнеспособность.

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института:

Мне кажется, что здесь мы имеем дело с очень серьёзными внутренними процессами церковной жизни, вернее, в самом церковном предании. А как раз на разломах этого предания, его разных пластов, часто и играли большевики.

Но у всех этих процессов были и свои положительные стороны. Проходило, прежде всего, вычленение более глубоких пластов церковного предания, церковной жизни. Не случайно сейчас, когда был задан вопрос о важности материальных ценностей в церковной жизни, невозможно было не ответить на него обращением в первую очередь к опыту новомучеников и исповедников Российских. Некоторая фальшь всего периода нашей современной постсоветской истории состоит в том, что этот опыт, как правило, не учитывается, он, как бы ни было это удивительно, не звучит внутри церкви. Никакие проведенные канонизации ничего не дали в этом отношении, потому что они были проведены вне обращения к церковному сознанию, и поэтому они до него не дошли. Не произошло никакого покаяния и никакого усвоения нового, как раз того, что дал нам удивительный, великий и уникальный период русской церковной истории XX века. Но это должно произойти, если мы хотим жить в соответствии с опытом святых, в соответствии с тем даром благодати, который был нам дан как наше величайшее сокровище! Конечно, всем нужно его еще правильно осознать, показать его границы и основные акценты, то есть его смысл.

Мне кажется, очень хорошо, что сейчас Давид Мкртчян упоминает не только об отрицательных последствиях разных советских кампаний. Чем больше на церковь напирали, тем больше ей нужно было становиться самой собою. Но это ей было очень трудно делать во

всех сферах её жизни, что сейчас прекрасно показал о. Георгий.

Конечно, когда патриарх Тихон говорил, что не надо отдавать богослужебные сосуды, он не думал, что будут отнимать всё. Он просто действовал по канонам. Все знали, что по канонам к этим вещам притрагиваться нельзя. И он действовал так, как был воспитан, как вообще всю жизнь жил! К слову говоря, потом патриарх Сергей действовал по той же самой логике. Он не мог себе представить, что с его стороны это будет «исполнением заветов Ленина и Троцкого», этих двух замечательных сатанинских натур, которых можно показывать на выставке в этом качестве. Он об этом даже не думал. Он искренне считал, что Декларация 1927 года – это единственный способ выживания церкви в XX веке. Так же и обновленцы просто хотели спокойной жизни, хотели продолжать дело, которое они делали до революции, и им казалось, что других возможностей для этого нет. Можно было для этого отдать церковные ценности, а можно было отдать еще свою социально-политическую свободу. Это не материальная ценность, но это всё равно ценность земная. Это всё об одном. Часто в этом сказывалась просто историческая инерция, связанная с жизнью по парадигме константиновского периода церковной истории. Тут мы уходим еще дальше, в оценку всего этого константиновского периода. Классические вопросы, уже тысячу раз поднимавшиеся: что такое константиновский период, насколько он был оправдан? Что такое доконстантиновский и послеконстантиновский периоды? И это для нас еще интереснее. Потому что то, о чём мы сейчас говорим, – это как раз и есть слом старой системы симфонического, константиновского типа, взаимоотношения церкви и государства. Шел слом «симфонической» идеи. А если ломается шестнадцативековая колоссальная машина, то что? На что теперь опираться? Некоторые быстро нашлись и ответили: на общины и братства, которые стали так бурно появляться после Собора 1917 года. В 1918 году Синод дал им добро, зеленую улицу! Правда, поздно, преступно поздно. Надо было делать это значительно раньше, тем более что были для этого все основания, ещё до революции; вспомним хотя бы проект Неплюева (зарубленный всё тем же Синодом) об организации союза братств по всей России...

Мне кажется, именно в этом контексте надо рассматривать последствия этой очередной преступной большевистской кампании. Поэтому ее нельзя назвать просто «изъятием ценностей». Это

вообще очень странная формулировка, потому что это было всесторонним ограблением всего народа. Ведь нельзя же забывать, что в геополитических обстоятельствах жизни России, на севере, где не сохраняется всё веками и тысячелетиями, как где-нибудь на юге, в Италии или Греции, где всё гниет, всё разрушается естественным путем, очень мало остается памятников материальной культуры. И почти вся память, почти вся культура нашего народа хранилась в этих церковных вещах. Поэтому эта кампания и стала разрушением исторической, культурной памяти народа и имела и имеет огромные последствия. Они еще будут проявляться много веков (если вообще история будет продолжаться), еще долго будут нам о себе напоминать. К тому же это происходило еще одновременно с ограблением всех высших классов страны, всех их усадеб, всех дворцов, с уничтожением тех людей, которые тоже были, понимали они это или не понимали, носителями именно такой памяти, такого культурно-исторического кода всего народа, и всего, что у нас было в «памяти» в то время. Разрушение именно этих структур, всех церковных и иных высших пластов общественной жизни, привело прежде всего к тому, что перестало существовать не только русское государство, перестал существовать сам народ русский вместе со своей самобытной культурой. Мы теперь имеем только малые фрагменты русской культуры в нашей памяти, в нашей истории, в наших музеях и т. д. Это как осколки какого-то античного храма. Да, они драгоценны, но это уже не сам храм.

Это, мне кажется, надо всегда помнить, потому что произошло уничтожение крупнейшей страны мира, одной из важнейших цивилизаций в мировой истории, одной из величайших культур, имевшей, безусловно, мировое значение. И это сделали не только внешние силы, внутри самого нашего народа нашлись бесы, которые были порождены прежде всего богоотступничеством и интеллигенции, и дворянства, и крестьянства, и рабочих, и купечества – всех основных страт русского общества. Они не были инициаторами, конечно. Просто всегда имелся тот нижний слой, на который власть могла опираться. Это, мне кажется, нам очень важно было представлять.

Церковь же после 1922 года продолжала проходить через такие этапы слома и дальше, так же как и остатки нашего государства, общества и народа, которые еще подавали какие-то признаки жизни до середины XX века, до Хрущёва. И сейчас, когда мы хотим, чтобы на нашей территории возникло достойное общество, когда мы хотим, чтобы из нас возник новый народ, когда мы хотим, чтобы возродилась наша новая церковь, мы должны использовать этот опыт XX века. Иначе получается то, что получилось после падения советской власти. Нужно было возрождать церковь, а мы что возрождали? Мы даже не возродили культуру, потому что сейчас везде господствует стилизация, а это не творчество! Как мы использовали этот важнейший, уникальный, единственный за тысячелетие период нашей истории? Он кончился, и больше такого не будет, может быть, еще тысячу лет. Но мы его абсолютно провалили, потому что никаким образом к опыту наших новомучеников, к опыту церковной истории XX века не обратились. Увы, никакого серьезного осознания этого опыта до сих пор не произошло!

Дмитрий Гасак, проректор Свято-Филаретовского института:

Здесь, и не только здесь, звучит упоминание константиновского периода. Он был полторы тысячи лет и теперь кончился. Но здесь важно отдавать себе отчет в том, что помимо константинов-

Как не стать реликтом прошлого, но и не раствориться в настоящем

Интервью с протоиереем Георгием Митрофановым

кого периода мы мало что знаем. То есть наш опыт церковной жизни сформирован только этим полуторатысячелетним периодом, который, главным образом, характеризуется связью церкви с государственной властью, неким сотрудничеством, симфонией. Может ли что быть помимо этого и какое положение церковь может занимать в обществе помимо этого – это большой вопрос.

Мы можем сказать, что первые три – три с половиной века своей истории церковь занимала другое положение в обществе. Но что мы знаем об этом периоде, что мы знаем об общественном положении церкви, церковных диоцезов в это время? Какое влияние церковь имела, и насколько тогдашний опыт может нам помочь сегодня? Действительно, трудно было сориентироваться в России в первые годы советской власти, да и потом, при том, что очень многие церковные деятели на самых разных уровнях не поддерживали того строя, который был до революции, и, в общем-то, не ставили перед собой задачу борьбы с советской властью, хотя и страдали потом от нее. Но интересно, что и в эмиграции вопрос освобождения от «власти императора» не так просто решался. Известен семинар о. Сергия Булгакова, где специально ставился вопрос: а что вообще означает потеря императорской власти, и что теперь делать. Этот вопрос, мне кажется, стоит и сейчас, при том, что церковь (к слову, не только в России) привыкла к своему обособленному, особенному положению в обществе. И, может быть, прежде всего стоит подумать о том, что от этого обособленного положения церкви пора отвыкнуть. Если же думать и заботиться о каком-то влиянии на российское общество в самых разных его слоях, то нужно основывать его не на государственном признании, а все-таки на чем-то другом. Здесь, мне кажется, необходимо увидеть, узнать, разработать, найти свою позицию по самым разным общественным вопросам, а потом еще и подумать, а что сверх этого, что к этому ко всему добавляет наша вера, наш опыт церковной жизни.

Где-то здесь и нужно искать путь возрождения той резистентности, силы сопротивляемости, которая во многом оказалась нами утрачена. Важно, чтобы не было иллюзий, ошибочного мнения, что мы выступаем против кого-то или за кого-то, против власти или за власть. Дело не в этом. В Евангелии нам не заповедано ни бороться с властью, ни ее прямо и непосредственно поддерживать. Но бороться за правду и в этом отношении просто за соблюдение хотя бы тех законов, которые мы на сегодняшний день имеем, – мне кажется, это может быть вполне позицией, пусть и не собственно христианской, но, по крайней мере, нормальной гражданской позицией. Может быть, именно в этом контексте нужно рассматривать вопрос о возвращении церковных ценностей. В конце концов, это для православных христиан важно, имеет ли духовное значение то или иное изъятое имущество. Для неверующих вопрос может так и не стоять, но важно, что это было отнято, и важно, что декрет о национализации касался не только церкви. Стало быть, вопрос о возврате изъятого может рассматриваться не только в контексте «нужно вернуть православным то, что у них было взято». Вообще говоря, взято не только у православных. И если бы вопрос поставить так, что мы требуем не своего, а добиваемся исторической справедливости, и не только для себя – может быть, он имел бы больший общественный резонанс и признание.

О. Георгий, насколько, на Ваш взгляд, насыщен сегодня в церковном сообществе широкий разговор на те трудные темы, которые были обозначены на сегодняшнем семинаре?

Нужно сказать, что церковное общество многослойно, поэтому такой разговор придется вести на разных уровнях. Это не всегда связано с богословской или общеобразовательной подготовкой аудитории, а может быть связано, например, с той духовной атмосферой, которая характерна для того или иного церковно-общественного слоя. Этот круглый стол проходил в учебном заведении, которое, являясь церковным и не являясь государственным, в то же время предполагает последовательное и серьезное изучение проблем русской церковной истории. Более того: оно связано с жизнью и деятельностью одного из существующих сейчас церковных братств. И даже говоря довольно подробно о вопросах церковно-исторических, мы сразу же обращаемся к актуальным проблемам современной церковной жизни, как в рамках данного братства, так и в рамках Церкви в целом. Однако никакое церковное братство само по себе не может исчерпать полноты церковной жизни, поэтому, я думаю, надо стремиться к тому, чтобы подобного рода круглые столы, сохраняя ту способность к свободному обсуждению всех вопросов, которую мы ощутили сегодня, вбирали в ряды своих участников представителей других церковных братств, приходских общин, церковных учреждений. Я говорю это в том числе и как представитель одной из основных наших духовных школ.

Сегодня широкое смысловое поле было затронуто достаточно крупными штрихами. Какие темы из тех, которые поднимались в этом обсуждении, Вы считаете наиболее актуальными? Иначе говоря, в каких направлениях можно было бы продолжать такой разговор?

Я четверть века преподаю историю Русской православной церкви новейшего периода и всегда пытался воспитывать будущих священников сквозь призму именно этого опыта, да и в популярных лекциях в широкой аудитории формировать мировоззрение христиан сквозь призму церковной истории. Однако чем больше проходит времени, тем острее я чувствую, что для многих современных, в особенности молодых людей даже наша недавняя история представляется чем-то не своим. Отчужденность от собственной истории имеет место в нашем обществе как, может быть, ни в каком другом. Ибо как ни в каком другом обществе у нас искоренялись носители культурно-исторической памяти. И очень часто апелляция к историческому прошлому не достигают должного эффекта. Наша недавняя история, в том числе и церковная, воспринимается церковными людьми как не своя, она не звучит для них актуально.

И вот я – уже как священник, которому приходится не только читать лекции, но и проповедовать – стараюсь проповедовать всегда на темы

Евангельские, реже на Апостольские чтения. Я убеждаюсь в том, что сейчас необходима прежде всего евангелизация церковного сознания. Потому что апелляция к истории церкви – Древней, Византийской, Русской – предполагает невольно воздвигание какого-то барьера между современным человеком с его духовной жизнью и Церковью.

Церковь оказывается чем-то уже пребывающим в прошлом, а его современная жизнь со всеми его проблемами часто с этим прошлым никак не сопоставима. Поэтому актуализация современной церковной проповеди – в ее евангелизации, без которой не произойдет, может быть, самое главное, ради чего мы и обсуждаем все эти вопросы. Я понимаю, что употребляя это слово в контексте жизни Русской православной церкви, я рискую быть обвиненным в протестантизме. Но, с другой стороны, при нашей обремененности разного рода наследиями – византийскими, древнерусскими, гимнографическими, иконографическими – мы в конечном итоге рискуем превратить церковь либо в узкий клуб людей, объединенных разного рода музыкальными, художественными, богословско-философскими «антикварными» интересами, либо в то, чем, к сожалению, сегодня так часто является храм: в некий «комбинат ритуально-бытовых услуг», проповедующий магизм без единобожия, то есть в нечто такое, что очень соответствует полужакобским устремлениям современных людей. Только Христос поможет нам прояснить ситуацию в современном обществе, в самих себе и в современной церкви. Тот самый простой евангельский Христос, проповедь Которого была положена в основу Церкви, жизнь Которого была положена в основу Евангелия. Именно эта жизнь вдохновляла тех многочисленных святых, жития которых мы можем даже изучать, но жизнь которых остается для нас во многом отчужденной. Поэтому, мне кажется, сейчас, имея в виду церковно-исторический опыт, мы не должны пытаться растворить слово о Христе в истории какого-либо периода церковной жизни. Для меня самого это довольно сложная задача. Тем более что в своих лекциях, а часто и в своих проповедях я апеллировал не просто к опыту русской церковной истории, но именно к опыту истории XX века, опыту новомучеников. И чаще всего это остается не услышанным по существу. Это их жизнь, а у нас – какая-то другая, применительно к которой мы хотим услышать что-то актуальное. А здесь актуальности люди не ощущают, это – ушло. Поэтому, повторяю, не столько апелляция к истории, сколько апелляция к Евангелию может сейчас сделать убедительной нашу проповедь о Христе. Потому что Евангелие взывает к вечным темам человеческой души, актуальным во все времена, во всех народах и во всех конкретных личных жизненных ситуациях, которые чаще всего и обуславливают начало религиозной жизни любого человека.

На круглом столе прозвучала такая мысль: обновленчество по сути, как это, может быть, ни странно звучит, связано с некой инерционностью, неспособностью перестроиться на новые взаимоотношения с госу-

дарством, на какой-то независимый диалог. В этом контексте вспоминаются слова о. Александра Шмемана, что христианство – это не религия, что как только оно становится религией, как только пытается себя определить как какую-то часть общества, оно становится маргинальным.

Это не совсем так. Обновленчество несет в себе, безусловно, новый элемент по сравнению с предшествующей традицией церковной жизни. Попытка церкви *воцерковить* государство на определенном этапе привела к тому, что она *оцерковила* государство, придав ему внешние церковные формы, но не *воцерковила* его по существу, ибо это невозможно. На средневековом этапе развития церкви это привело к тому, что она стала превращаться из веры во Христа в государственную религию. Когда же Церковь, не ставя перед собой задачу воцерковить или даже оцерковить государство, пошла по пути интеграции, соработничества, сотрудничества, а на самом деле правильнее сказать – соучастия с деятельностью богореческого государства, она стала превращаться в идеологию. Это, пожалуй, самая низкая степень падения, следуя классификации о. Александра Шмемана. Религия так же далека от веры христианской, как и идеология от религии. И вот этот процесс потери веры Христовой, самой себя в процессе интегрирования в государственную жизнь – одна из тех опасностей, которая переживается нами и должна быть осознана нами сейчас. Поэтому в условиях, когда каждый общественный институт пытается сохранить свою идентичность, церкви необходимо озаботиться этим же, не боясь, что она потеряется в конкурентной борьбе. Если церковь останется Церковью Христовой, она будет непобедима и никакие альтернативные виды сообществ, построенные на религии или на идеологии, будут ей не страшны.

Важно, чтобы для тех людей, за умы и сердца которых она борется, было внятно, что церковь – это не идеология.

Да.

И насколько сегодня это сообщение внятно?

Все зависит от того из каких уст оно исходит и какими поступками подтверждается, или, наоборот, опровергается. Церковь – данность современности, она – есть, но она столь же искривлена и искалечена, сколь искривлено и искалечено наше общество, государство и наши современники вообще. Церковь – это прежде всего люди. А мы сейчас имеем дело с людьми, которые очень легко теряются в этой жизни и в жизни религиозной, теряя ее основополагающие ориентиры.

Беседовала Софья Андросенко

За границей рукотворного рая

Мои надежды, что я смогу постепенно и поэтапно нарисовать целостную картину того, как развивался диалог Церкви и культуры, оказались сразу же опровергнуты жизнью. Я побывала на конференции в итальянском монастыре Бозе, на которой шла речь об отношении человека к творению Божьему, к природе, к окружающему миру. Но в текстах докладов и в процессе обсуждения постоянно возникал вопрос и об отношении христианства к культуре. Поскольку в конференции принимали участие видные современные богословы, у меня появилась возможность узнать, в чем же, с их точки зрения, сейчас «нерв» этой проблемы.

Тема конференции «Человек как домоправитель творения Божьего» позволяла ставить вопрос о культуре, во-первых, в связи с вопросом об отношении христианства к материальному миру вообще (частью которого является культура), во-вторых, в связи с задачей «возделывать и хранить», культивировать (окультуривать) сад, который нам доверили. Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас), например, говорил о том, что «камень или дерево, проходя через руки верующих, гармонично преобразуются, чтобы привести природу в единение с Богом». Однако то, что безусловно верно в замысле, в жизни оборачивается подчас совсем иной стороной. Тот же митр. Иоанн сетовал на то, что современные верующие не любят икон и красивых священнических облачений, предпочитают прятаться в темные ниши или закрывать глаза, когда приходят в храм на молитву – происходит своего рода «спиритуализация богослужения». Человеку в его отношениях с Богом оказываются не нужны ни культура, ни материальный мир. Казалось бы, речь идет о явлении, прямо противоположном «эстетическому типу благочестия», описанному матерью Марией (Скобцовой) в работе «Типы религиозной жизни». Носитель «эстетического типа» «млеет в облаках ладана, наслаждается старинными распеваниями, любит строгость и выдержанностью новгородского письма, прислушивается к слегка вычурной наивности стихир», его глаза и уши раскрыты к явлению красоты храмового зодчества, иконописи, богослужения. По сути же и поклонение красоте, и отказ от нее равно удалены от сердцевин христианской жизни. По мысли Зизиуласа, тем пространством, где это противоречие преодолевается, должна стать Евхаристия, ибо именно в ней возвращает человек Богу дар материального мира, вводит материю в Небесное Царство, преобразив ее творческим усилием культуры. По мысли матери Марии, противоречие может быть снято только личной встречей со Христом, являющим особую красоту, отличную от красоты мира: «Перед Ним, вечной Истиной и Красотой, что наша красота и наше уродство? Не кажется ли наша красота уродством перед вечной Красотой Его? Или наоборот – не видит ли Он и в нашем уродстве, в нашей нищей жизни, в наших язвах, в наших искалеченных душах Своего Божественного Образа, отблеска вечной Славы и вечной Красоты?» Тему места культуры в жизни Церкви на конференции неожиданно подхватил митрополит Гор Ливанских Георгий (Ходр). Он отреагировал на доклад Нестора Кавадоса о богословии природы у

сирийских отцов. Докладчик вдохновенно повествовал о том, как сирийские аскеты умели изумляться Божьему творению и постигать, как Бог символически раскрывал Себя через тварное естество. Митрополит Георгий вспомнил своего друга, для которого доказательством бытия Божия была музыка Моцарта, и поставил вопрос: «Является ли природа, или музыка, или любое другое явление культуры обязательным этапом на пути человеческого сердца к Господу?» Ведь для того чтобы прийти к Слову Божию, человеку отнюдь не всегда нужно проходить через природу или культуру. И наоборот, эстетическое удовольствие далеко не всегда приводит к теологическому созерцанию. Митрополит Георгий, как и многие докладчики, призвал слушателей обратить внимание на вид, открывающийся из окна конференц-зала монастыря Бозе, как на доказательство возможности разумного, любовного, творческого, культурного домоправления человека в Божьем мире. Нельзя не согласиться, что пространство, поданное сидящим в зале через три полукруглые окна-арки, столь знакомые по картинам Рафаэля и Леонардо, действительно, гармонично преобразовано насельниками монастыря, но не лишено при этом своей естественной красоты. На фоне прекрасного вида не хотелось говорить о гибнущих где-то людях, о задыхающемся от человеческого эгоизма земле. Все были рады и открыты друг другу. Даже мошки и мушки, нарушавшие пространство конференции, бережно изгонялись вон, но не лишались жизни. Окультуренная красота природы провоцировала всех нас, не исключая грозных владык, быть добрыми и благодушными. А я в какой-то момент подумала о том, что и красота, и культура могут не только возводить человека к Богу, но и обезоруживать его. Они создают иллюзию, что все уже «хорошо весьма», что мир уже преобразен в акте человеческого творчества, а значит, не нужно идти на Крест, не нужно выходить в ужас мира из Бозийского рая. Наслаждаясь красотой природы или творений искусства, человек может потерять то внутреннее напряжение, без которого невозможно пережить эсхатологическую тревогу мира, а значит и в Церкви увидеть силу, способную здесь и сейчас явить силу Воскресения, дающую больному миру надежду на исцеление. И природа, и культура – формы естественного откровения, а значит, только символы Божественной реальности, Божественного бытия. Как и любые символы, они могут быть прозрачными и непрозрачными, открывающими саму эту Божественную реальность или заслоняющими ее. Символ останется не более чем самодостаточным символом без прямого откровения Духа, без встречи с Иисусом как со Христом, ибо «не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Который на небесах» (Мф 16:17).

Юлия Балакшина

Рубрику «В пространстве диалога» ведет Юлия Балакшина

Человек, который кричит

К 120-летию Марины Цветаевой: интервью с Ниной Ивановной Поповой, директором музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Как Вам кажется, каковы отношения Марины Цветаевой с христианской культурой?

– Она, конечно, человек христианской культуры. Но в этой культуре она из тех, кто бросает вызов, кто оценивает ее с позиции поэта, у которого особый подход и взгляд и, наверное, особая оценка, особая незащищенность. Она воспитана в семье своего отца, как все мы воспитаны на классической литературе, европейской, русской, где христианством пропитана каждая буква. Но всё-таки почему-то человек христианской культуры кричит. От боли. Бунтует. Как это соединить? Ахматовой ведь тоже плохо, и она присутствует в христианской культуре, но она не кричит. Она всё-таки пытается, взяв себя в руки, что-то понять, что-то оценить, что-то сложить такое, чтобы молиться... У меня всегда такое чувство, когда я их сравниваю, что одна всё-таки кричит, а другая берёт паузу, дистанцируется. Анна Андреевна умела не ответить криком на крик, обидой на обиду. Мне кажется, что это какое-то очень важное свойство для поэта и для человека, для стиля дворянской христианской культуры. А в крике есть что-то отроческое, от подростка, от человека, который никогда не повзрослеет. Он кричит не потому, что только ему больно. Это выкрик как бы за весь мир, за всё жизнеустройство: что-то надо изменить, наверное, чтобы не было так больно.

Марина Ивановна – отрок, пусть она и сидя... Вечный подросток! И это всё при том, что большего ужаса, чем её елабужская жизнь, не представить, разве что её парижскую жизнь в последние годы, из-за случившегося с Сергеем Яковлевичем. Она же, я думаю, всё понемалу и всё знала, хотя он ей и не рассказывал. Она не тот человек была, чтобы не понимать, что происходит.

Но она не могла сформулировать, что она жертва, хотя понимала, что её перемололи совсем. Она ведь еще и женщина. Когда-то она жаловалась, еще в Чехии, что некогда сесть к столу, потому что ей приходится мыть, греть, варить, готовить, добывать... Ведь еще ужас в этом. Может быть, когда сформулируешь проблему, поймешь и расставишь акценты, легче увидеть, от чего надо защищаться. А она не могла сформулировать, уж больно вокруг неё все было с ног на голову поставлено. Её не только исторические обстоятельства, но и семейные должны были скрутить и смолотить.

Вокруг Марины Ивановны все так бурлило, так завораживалось жутким образом, что будто трещина мира проходила через ее жизнь...

Как она, понимая всё, угодила в эту пропасть с Эфроном?

– Да не она угодила – Эфрон угодил. Она только разделила с ним те повороты новых обстоятельств, приведших к отъезду в Советский Союз. Впрочем, когда в течение десятилетия в 1930-е гг. в Париже выступал перед собранием русских эмигрантов в каких-то столовых, клубах, которые уже давно не слышат твоих стихов, может показаться,

что там, в советской России, появились новые люди, которые умеют и новую страну строить, и слышать стихи. Это, конечно, обманки, иллюзии. Чего-то главного не получилось, читателя на русском языке не было, и ей казалось, что здесь, в России, он был.

Чем Вас «цепляет» Марина Ивановна?

– В её поэзии есть объемность во взгляде на себя и на мир. Вопросы мучающие, ее голос – невозможно оторваться... Меня всегда поражала в ней некая высота звука, голоса, способность объяснять, как все устроено, и понимание, что мир за это с нее что-то возьмет. В начале и середине 1960-х, в это достаточно смурное время, в ее «Казанове» возникал прерванный советским периодом литературного сознания вечный классический европейский могучий возрожденческий мир.

А что созвучно в Цветаевой нашим современникам? Та же распахнутость? Сейчас, по-моему, все предельно закрыты... или, наоборот, обнажены так, что дальше некуда.

– Я думаю, что читатели у нее все равно есть и будут. Может быть, не в таких количествах, как это было в 1960–70-х... Но читатели у нее должны быть.

А почему не так, как в 60-х, 70-х?

– Мы же были тогда после многолетнего перерыва в истории литературы, торжества соцреализма, когда не звучало вообще никаких голосов. Поэтому услышать тот голос – было как свежий глоток воздуха. Ее поэзия выходила за пределы привычных, отработанных уже десятилетиями норм стиля, интонации, манеры. Все же было очень хорошо «утрамбовано». Поэтому тогда это действовало очень сильно. Прекрасные сильные русские стихи. Это поэзия, классическая и – уже неклассическая. Уже не ахматовский дольник. Новый ритм, новый размер, который, скажем, был у Маяковского. Но Маяковский в 1960-е годы был уже превращен в лозунги. Потому ее голос тогда звучал просто потрясающе...

Беседовали Александр и Светлана Буровы, Юлия Балакшина
Полностью интервью опубликовано на сайте газеты <http://gazetakifa.ru>

Биографическая справка

Марина Цветаева родилась 26 сентября (8 октября) 1892 года в Москве. Её отец – профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед, директор Румянцевского музея. В 1912 году Цветаева вышла замуж за Сергея Эфрона. В этом же году у них родилась дочь Ариадна (Аля). Вторая дочь, Ирина, умерла от голода в приюте в Кунцево в 1920 году в возрасте 3 лет. В годы

Гражданской войны Сергей Эфрон служил в рядах Белой армии, после разгрома Деникина эмигрировал. В мае 1922 года Цветаевой разрешили уехать за границу к мужу. 15 марта 1937 г. Ариадна выехала в Москву, 10 октября того же года из Франции бежал Эфрон, оказавшийся замешанным в заказном политическом убийстве. В 1939 году Цветаева вернулась в СССР вслед за мужем и дочерью. По приезду жила на даче НКВД в Болшеве. 27 августа

была арестована дочь Ариадна (реабилитирована в 1955 году), 10 октября – Эфрон (расстрелян 16 октября 1941 г.). 8 августа 1941 г. Цветаева с сыном уехала в эвакуацию в городок Елабугу на Каме. 31 августа 1941 года покончила жизнь самоубийством в доме, куда вместе с сыном была определена на постой. В предсмертной записке, адресованной сыну, она написала: «Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я».

Слово редакторов

Региональная вкладка – наш подарок к 10-летию газеты «Кифа». В каждой епархии, конечно, есть свои и нередко очень уважаемые издания – газеты и журналы. Однако привычный и глянецовый взгляд на местные события очень часто затушёвывает глубокие проблемы. А звонкий перечень проводимых мероприятий, чтений, конференций и крестных ходов не всегда раскрывает подлинные чаяния православного народа. Что делать в церкви сейчас, когда ушло поколение верных бабушек, а качественный уровень церковного народа резко отстает от количественного – катехизация коснулась немногих, а уж о духовном образовании мирян приходится только мечтать? Где человеческие плоды усиленной строительной деятельности прошедшего десятилетия? Что и кто будет, если, не дай Бог, что случится, защищать церковь от нового поругания? Как отстаивать своё право быть свободными в своей церкви и своей стране при всё более настораживающих тен-

денциях идеологизации православия в России? Ответы на эти вопросы можно найти в церковном опыте устройства православных братств и общинной жизни. Наша вкладка в «Кифу» – маленькая картинка для выяснения больших вопросов и обобщение опыта двадцатилетней совместной жизни в церкви.

Олег Ермолаев, Владимир Лавренов

Греческое слово «этимасия» переводится как «престол уготованный» и использовалось для обозначения эмблемы, представляющей собой престол (трон) с лежащим на нём Евангелием, или крестом, или короной. Самое раннее изображение этимасии встречается в мозаике баптистерия в Равенне и относится к V–VI вв. н.э. Престол уготованный – редкий и очень сложный символ присутствия Бога, и, одновременно, Его ожидания с упованием и надеждой. Это изображение можно встретить в мозаиках, фресках, иконах, памятниках декоративно-прикладного искусства. Известна эта эмблема и в геральдике. Так, тверской герб в самых разных изобразительных вариантах представляет собой древнюю этимасию, что говорит о религиозных корнях, казалось бы, вполне светской науки – геральдики.

Выходная миниатюра Хроники Георгия Амартола с предстоящими Михаилом Ярославичем Тверским и его матерью Ксенией, начало XIV в.

Как и в чём нужно каяться тверскому владыке

Об этом размышлял в своём двадцатом письме преподобный Максим Грек

В 1537 г. в Твери сгорел кафедральный Спасо-Преображенский собор, многие административные и жилые здания. Дело, казалось бы, житейское – пожарами на Руси никого не удивишь. Однако в то время в Твери жил человек, который этому происшествию удивился. А удивившись, вывод сделал столь неожиданный, что вызвал возмущение у «благочестивых» своих современников. Человек посчитал виновным в пожаре тверского архиерея, образ жизни тогдашнего духовенства и написал обличительное письмо, как тогда говорили, слово. Звали этого человека Максим Грек. Важно понимать, что не лично епископа Акакия обличал знатный сиделец (*узник – ред.*) тверского Отроч монастыря. К Акакию он лично испытывал даже симпатию, называя его «боголюбивым», «прекрасно и благочестно правящим церковным кормилом Тверской епархии». Но перед своими глазами преподобный Максим Грек

всегда ставил образ Христа и настоящего христианства. Несоответствие им и вызывало у него сожаление. Обличительный характер его текстов говорит, что великий грек старался удаляться от поспешных обобщений, но в данном случае его, что называется, допекло. Если его «допекло» тогда, то сейчас, спустя 475 лет, читая письмо, понимаешь, что почти ничего не изменилось в церковной жизни. Именно это заставляет ещё раз вспомнить горькие и суровые слова святого человека и дать возможность нынешнему тверскому епископу, как и всякому церковному человеку, ещё раз перечитать их. Письмо-поучение начинается с исповедания тверского владыки и его вопроса Создателю: «Скажи нам, чем мы согрешили», ведь вроде делали и то, и сё, «всячески стараясь благоугодить Тебе». На это удивлённое вопрошание архиерея Максим Грек «кротким гласом» Бога назвал самые уродливые явления средневековой православной Руси.

Есть ли они сейчас – судить читателю, а епископу – подумать, чему следует внимать со страхом и неліцемерной верой. С первых страниц письма преподобный Максим Грек сразу напомнил тверскому архиерею – хранителю истинного православия – горькую судьбу православной твердыни, великолепного и сильнейшего царства – Византии, книжное, храмовое и государственное сокровище которой постигла внезапная гибель. Максим не ссылаясь на исторические, политические и экономические причины падения великой империи. Он назвал вещи банальные и простые: «будучи побеждены златолюбием, возненавидели всякий закон правосудия, оправдывая за мзду всякого обидчика, также и в священные саны возводили не тех, которые сего достойны, но кто принесёт наибольшую мзду, того и ставили скрытно учителем людям Моим».

Тверская митрополия 1991-2012 гг.

Путь от несвободы к свободе и обратно

«Русские люди в массе своей христиане поверхностные, а потому не соответствуют великому апостольскому предназначению, возложенному на них Богом».

Архимандрит Макарий (Глухарёв)

Российский патриотический клуб «Отечество». Тверь, начало 1990-х гг.

Историю жизни целой епархии за двадцать лет описать очень трудно. Надо понять, что в ней наиболее показательно. Важнейшим критерием является миссия. Церковь без миссии – противоречие в терминах. Если миссия отвергается, то это является не только уклонением от исполнения долга, но и самоотрицанием. Как же устраивалась миссия в Тверской епархии, и каковы плоды деятельности по свидетельству о Христе и Его церкви?

Часть I. Миссия в Тверской епархии с 1991 по 2002 год

Восстановление храмов

К 1991 г. в Тверской епархии было 55 действующих храмов и ни одного монастыря. К концу 2002 г. монастырей стало 11, а приходов – 194. В эти годы восстановление храмов было ярким свидетельством о Боге и церкви в нашей стране. Это было настоящим миссионерским делом. Протопресвитер Виталий Боровой вспоминал: «Мы начали с самого главного и важного – восстанавливали храмы и монастыри, налаживали богослужение и нормальное пастырское попечение о верующих. Без этого церковь не является церковью. Основа у нас есть».

Можно вспомнить картину, когда люди, проходя мимо храмов с восстановленными крестами, останавливались и крестились. Это был первый шаг в миссии, сила которого была обусловлена особым историческим моментом в стране. Появились ли вслед за ним другие усилия в свидетельстве на открывшемся поле миссии, которым стала вся наша страна, в том числе и город Тверь?

1988 г. – празднование 1000-летия Крещения Руси.

Масштаб события породил специальное заседание Епархиального совета, на котором архимандрит (ныне митрополит) Виктор представил программу проведения юбилея в Калининской области. В остальном инициативу в устройении событий, в которых могла быть миссионерская направленность, проявляли светские органы – горисполкомы и советские общественные организации. Именно они организовывали круглые столы, пресс-конференции и праздничные встречи, посвящённые юбилею. Особенно это касалось организации встреч в епархии с представителями иных конфессий и иностранных гостей города. Сохранившиеся документы зафиксировали рекордное количество межконфессиональных встреч, участие тверского духовенства в Марше мира, приёме многочисленных протестантских делегаций. Интересным является свидетельство об участии архимандрита Виктора в Марше мира в США, его встречах с представителями буддизма, мэрами городов, с деловыми кругами Америки, которые, по словам будущего тверского архиерея, были «полезны и интересны».

Миротворческая деятельность

В это время абсолютного отсутствия антисектантская тема и, наоборот, много экуменических контактов. Всё это объясняется стремлением советского руководства быстро изменить имидж страны через открытость и способность к диалогу. Сквозная тема этого времени – «миротворческая деятельность» (вместо миссионерской). Протопресвитер Иоанн Мейендорф писал об этом явлении как о секулярном

откровении, когда христиан призвали «прислушиваться к миру». Эта проблема «секулярного» откровения перетекла и в постсоветский период, когда тема борьбы за мир сменилась антисектантской темой.

Пропаганда православия

В 1992 г. епархиальное управление начинает «пропаганду православия», что говорит о явном миссионерском намерении, хотя и выраженном советским идеологическим языком. Уже тогда, в 1992 г., проявились признаки организованного подхода «пропаганды православия» в устройении радиопередач, освящении предприятий, встреч на заводах и в учреждениях, факультативных занятий со студентами и школьниками. Но это было усилие одиночек, а не линия епархиального управления, публичная деятельность которого была больше «оборонительной», чем «наступательной». Самой активной и ставшей действительно известной акцией тверской епархии стала угроза «анафематствования всех организаторов, покровителей и участников сатанинского шоу», предполагаемого «Бала сатаны» 7–12 февраля 1992 г., и аналогичное по сути, но более мягкое по тону увещание организаторов конкурса обнажённого тела «Тверская натура-92». Важность этих событий для будущей организации миссионерской деятельности заключается в том, что впервые после падения советской власти голос церкви звучал обличительно и опирался на небольшую прослойку мирян, объединённых в Комитет защиты духовности, нравственности и культуры Тверской земли, Российский патриотический клуб «Отечество».

Братства или администрация?

Примечательным событием этих лет стала попытка возрождения православного братства св. Михаила Тверского, основанного ещё в 1884 г. и прекратившего своё существование после октября 1917 г. В опубликованных в 1993 г. целях и задачах возрождаемого братства слово «миссия» отсутствовало, но вектор, направленный на повышение роли и ответственности мирян, был взят правильно. Однако дальнейшего развития отношения епархии с братством и общественными организациями не получили, и епархиальное руководство стало опираться на другого влиятельного партнёра будущей миссионерской деятельности – власть.

Именно тогда епархиальное руководство впервые стало использовать административный ресурс. Так, 5 ноября 1991 г. на встрече с главой администрации области был поднят вопрос о «противодействии поддержке и содействию, оказываемым влиятельными местными кругами, в том числе и близкими к администрации, прозападным деятелям псевдокультуры и инославных конфессий, гастроллирующим в нашем крае и стремящимся обрести здесь опору для расширения своего тлетворного влияния». Особое

внимание было обращено на проникновение в Тверской государственный университет мунистов, «бесстыдно использующих свои неограниченные финансовые возможности для опутывания преподавателей и заманивания студентов». Важным событием этого времени стало учреждение при газете «Православная Тверь» информационно-аналитического центра святителя Марка епископа Ефесского. Создание центра было осуществлено после участия представителей епархии во Всецерковном семинаре «Тоталитарные секты в России».

В 1997 г. редакция журнала «Тверские епархиальные ведомости» и газета «Православная Тверь» с информационно-аналитическим Центром св. Марка Ефесского были введены в систему органов епархиального управления, но отдельной структуры или ответственного лица так и не появилось. Это было странно, ибо о миссии говорили в церкви, готовились материалы по составлению Концепции миссионерской деятельности. Характерно, что по другим направлениям церковной работы в структуре епархиального управления всё же появляются ответственные лица. Так, ответственным за церковное служение в Вооружённых

силах стал протоиерей Павел Сорочинский, ряд клириков начинают отвечать за пастырскую деятельность в исправительных учреждениях МВД. Об общекультурном уровне отдельных «ответственных» можно судить по фрагменту из отчёта священника Константина Голубева, который осуществлял «пастырское служение» в исправительном учреждении МВД ОН-55/9 в п. Монино. Описывая свои успехи в строительстве храма, проведении бесед, исповедования и причащения осуждённых, о. Константин упоминает библиотеку, которая пользуется читательским спросом и периодически пополняется. Священник писал: «Одновременно можно сказать о встречающейся у осуждённых неправославной религиозной литературы, которая неведомыми способами попадает в зону (в основном, протестантов)... Есть литература и необновленческая (Кочетковская). Когда я встречал эту беллетристику, с согласия осуждённых изымал её для последующего уничтожения». Вот так, за несколько лет до знаменитого екатеринбургского сожжения книг, скандально прогремевшего на весь мир, скромный тверской батюшка тихом делал то же самое.

Окончание на с. 4

Скандал в Тверской епархии не утихает уже полгода

Уроки истории не усвоены

В начале февраля 2012 г. в тверском информационном пространстве появилось открытое письмо некоего дьякона Петра, в котором перечислялись грехи правящего архиерея в связи с его распоряжением о повышении сбора с храмов в пользу епархиального управления в десять и более раз. Письмо называлось многообещающе: «ООО “Тверская митрополия”». Выступление вызвало широкий резонанс у читающей интернет публики. В орбиту разгорающегося скандала были втянуты известные в Тверской области священники, а обожаемый ранее митрополит в один миг оказался в числе самых порицаемых персонажей. Интересно, что основными хулителями владыки и вскрывателями застарелых язв стало именно священство и дьяконство (в том числе, в лице матушек), почерк и стиль речи которых хорошо узнаётся даже под маской псевдонима. Этот сюжет, когда от любви до ненависти один шаг, до боли напоминает историю с «церковной революцией», разразившейся в Тверской епархии весной и летом 1917 г. Именно тогда после кровавых событий февраля на

владыку Серафима (Чичагова) обрушился шквал обвинений и претензий со стороны «низших церковнослужителей, дьяконов и псаломщиков». На епархиальном съезде в апреле 1917 г., где, по словам архиепископа Серафима, «сильно пахло спиртом и ханжой (*самогонкой – ред.*)», революционное настроение батюшек привело чуть ли не к потасовке со своим владыкой. Радикальное духовенство нашло себе влиятельных помощников в лице Совета крестьянских депутатов, затем Исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов и очень хотело выгнать с кафедры неуступчивого архиепископа, который наступивший радикализм объяснял очень просто – нежеланием учиться и сдавать экзамен на сан. Владыка Серафим указывал и на разрушительную роль своего викарного епископа Арсения (Смоленца), который «постоянно шептался со своими агитаторами», «в моё отсутствие ежедневно обедал в моём доме, привозил даже гостей женского пола, загнал моих лошадей и изгонял монашествующих». Викарный епископ впоследствии оправдался, но всё же был удалён из Твери – на всякий

случай. Единственной и по-настоящему крепкой опорой архиепископу Серафиму в этой некрасивой истории стала тверская интеллигенция и миряне, которые и не дали церковному кораблю разбиться о революционные камни. Но урок истории так и не усвоен. А ведь давно известно, что в самые трудные послереволюционные годы нередко единственной и настоящей защитой церкви стали не Советы рабочих и крестьянских депутатов и не Союзы священников, дьяконов и псаломщиков, а православные братства. Именно они и взяли на себя защиту от поругания христианских святынь, храмов, да и самих старых архиереев, так недоверчиво и подозрительно относившихся к любому проявлению мирянской инициативы. Истории свойственно повторяться в каких-то очень знаковых сюжетах, и события последних месяцев говорят о наступлении нового этапа в жизни церкви, связанного в том числе и с её местом в обществе и государстве. На что или на кого будут опираться нынешние архиереи – вопрос не праздный, а исторический.

Алексей Калистов

Тверская митрополия 1991-2012 гг.

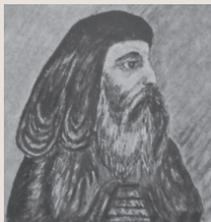
Начало на с. 2

Итоги первого десятилетия

Анализ деятельности Тверской епархии за это десятилетие позволяет сказать о том, что после 1991 г. миссионерская деятельность не имела руководящего центра и организационно никак себя не выявила. И это несмотря на то, что в 1995 г. была принята «Концепция возрождения миссионерской деятельности», которая своей задачей ставила призвать «всех верных чад нашей Церкви на путь Православного свидетельства». Соответственно, не было предпринято никаких шагов по организации миссионерской деятельности в самой епархии. В 1990-е гг. недостаток управленческих решений в области миссии отчасти компенсировался активной позицией православных мирян, которые могли бы стать, согласно решениям Собора 1917–1918 гг., опорой в миссионерской деятельности возрождающейся Церкви. Но этого сделано не было, как не было чёткого представления о том, что такое миссия, чем она отличается от катехизации и религиозного образования. Оставались сильными представления о нашей стране как о Святой Руси, которая «просвещена светом истинной православной веры». Тверскому священству ещё предстояло пережить разочарование в этой «природной православности» тверичей, так же как это было пережито духовенством накануне Собора 1917–1918 гг.

Церковные силы епархии проявили минимальную способность к самоорганизации и организации верующего народа. Способность к организации и инициативу проявило светское общество, которое предложило адекватные формы деятельности: комитеты, советы, общества, клубы. Церковные силы присоединялись и поддерживали то, что на религиозной волне возникало в обществе. Только одно направление, имеющее отношение к миссии, обнаружило признаки структуризации. Это антисектантская тема, которая стала занимать не подающее по своим задачам, слишком значительное место. Кто инспирировал именно эту тему в качестве основной и кто способствовал быстрой её институализации – тема отдельного исследования.

Мария Лавренцова
(Продолжение следует)

Максим Грек. Из рукописи
Соловецкой библиотеки
XVI века

Как и в чём нужно каяться тверскому владыке

Начало на с. 1

Самым серьёзным грехом преподобный Максим Грек считал унижение человека как образа и подобия Божия: «Видя Меня изображённым на иконе, вы украшаете изображение Моё золотым венцом, а Самого Меня, живущего среди вас, оставляете погибать от голода и холода, тогда как сами всегда вкусно питаетесь и упиваетесь и украшаете себя различными одеждами». Попраание главной христианской святыни – человека – актуально и сейчас, когда продолжают попирается его свобода и достоинство, в том числе и в церкви.

Следующие слова великого подвижника звучат ещё более актуально, ибо в чести сейчас те, кто имеет власть и деньги. Именно они более обласканы церковным начальством, чем простые люди. В этой связи стоит вспомнить католика Ф.П. Гааза, который впервые на своём примере преуспевающего врача и обеспеченного человека выразил главный лозунг диаконических движений XX века – Церковь с бедными. Гааз, вслед за Христом, умывающим ноги ученикам, обмывал холерных больных, целовал и гладил неизлечимых заразных, утешал обиженных и помогал страждущим. Живя, как Христос, он показал, что именно диаконические движения могут быть устроены только по образу Христа, центр жизни Которого был среди бедных и обездоленных людей. Именно об этом и говорил Максим Грек, вкладывая в уста Спасителя следующие слова: «Я заповедал вам не звать на пир ни богатых соседей, ни сродников своих, ни друзей, но звать слепых, маломощных, хромых, убогих и вообще всех нищих; вы же и эту Мою заповедь попрали. И с богачами всегда совершаете роскошные и дорогостоящие пиршества, и весьма щедро одаряете их подарками из имения убогих и сирот, а Меня, истаявающего от голода и холода, стоящего у вас за воротами и горько плачущего по причине своей скудости, вы, осыпав сначала тяжкой бранью, отгоняете, бросив кусок гнилого хлеба; сами же, посредством скверных и незаконных прибытков и лихоимств, ненасытно прибавляете себе серебро к серебру и золото к золоту, возлагая на это своё упование более чем на Бога, и хвалясь сим, чем и обличаете сами себя». Нынешние хоромы церковного начальства строго охраняются. Охрана появляется и в храмах, она охраняет «храмовое

благочестие» от тех, кого Христос велел звать на пир. Это одна сторона проблемы. С другой стороны, преподобный Максим указывал, что невежество и темнота, игнорирование всякого учения приводят к той простоте, которая «хуже воровства»: «Вы же ныне – о, какой невыразимый стыд! – соделались наставниками всякого нечестия, преткновением и предметом соблазна для верных и неверных, ибо наравне с простыми и невежественными людьми и объедаетесь, и упиваетесь без всякого воздержания, и с великой яростью досаждаете друг другу, когда от многого винопития возникает между вами спор, который и приводит вас в сильное бешенство». Эти распространённые признаки «соборности и единомыслия» Максим Грек дополняет горькими словами о попрании веры и неизбежности ответа за содеянное. «Теперь же вы, подобно язычникам, не знающим Меня, Бога, всю душою прилепились к собранию богатства, предались пьянству, неправдам, разврату, как нисколько не думающие быть судимыми за это Мною, страшным Судиею».

Многовековой опыт церкви показывает, что язычество легко адаптируется к любому формальному «отправлению культа», к любой конфессиональной самоидентификации, если только человек не стремится изменить свою жизнь, открыв её воздействию благодати. Тревожные симптомы откровенно языческого мировоззрения, не просвещённого светом Евангелия, особенно ярко проявляются там, где непросветлённая религиозность и перманентный поиск «врагов веры» приводят к околоцерковному бытовизму, культуре ради культа. Всё это, помноженное ещё на распушенность нравов, на разрыв слова и дела, тоскливое бессилие во всём «среднего батюшки», склонного к унынию и даже суициду, непрекращающиеся поборы церковного начальства, сосредоточение на колдунах, «порче», «сглазе», вера в чудесные свойства заговорённой воды при равнодушии к Евхаристии приводит к тому, что происходит подмена духовного душевным, подлинного ложным, обновления – обновленчеством. Именно об этом очень давно, но так современно написал преподобный Максим Грек, прямо предупреждая тверского архиерея и его клир: «Какой против всего этого можете дать ответ, когда предстанете нами и трепещущими предо Мною, когда Я буду вас судить и крепко испытывать во всём, в чём вы погрешили?»

Владимир Лавренов